

Устинова Татьяна Викторовна

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ОСТРАНЕНИЯ В СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ

В статье рассматриваются особенности смыслообразования в процессе читательской рецепции поэтического остранения. Автор описывает типичные проявления остранения на макро- и микроструктурных уровнях текста. Восприятие остранения анализируется в терминах аттенциональной семантики Л. Талми и теории лексических концептов и когнитивных моделей В. Эванса. На примере остранения в стихотворении А. Драгомощенко показаны механизмы переосмысления понятия "время" за счет актуализации вторичных когнитивных моделей знаний и производства новых атрибутов этих моделей через ассоциативные переключения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 163-167. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'23'37

Филологические науки

В статье рассматриваются особенности смыслообразования в процессе читательской рецепции поэтического остранения. Автор описывает типичные проявления остранения на макро- и микроструктурных уровнях текста. Восприятие остранения анализируется в терминах аттенциональной семантики Л. Талми и теории лексических концептов и когнитивных моделей В. Эванса. На примере остранения в стихотворении А. Драгомощенко показаны механизмы переосмысления понятия «время» за счет актуализации вторичных когнитивных моделей знаний и производства новых атрибутов этих моделей через ассоциативные переключения.

Ключевые слова и фразы: поэтическое остранение; конструирование значения; профилирование внимания; когнитивная модель; лингвокреативность.

Устинова Татьяна Викторовна, к. филол. н.

*Омский государственный педагогический университет
tatanja@mail.ru*

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ОСТРАНЕНИЯ В СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ[©]

Как известно, термин «остранение» был впервые использован В. Шкловским в программном манифесте формалистов в 1917 году. В статье «Искусство как прием» он пишет: «При процессе алгебраизации, об автоматизации вещи, получается наибольшая экономия воспринимающих сил. <...> И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, <...> существует то, что называется искусством. <...> Приемом искусства является прием остранения и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен» [11, с. 12-13].

Понятие «остранение» получило широчайшее распространение, став, по выражению И. Калинина, «определенным теоретическим стержнем, пронизывающим внутреннюю эволюцию ОПОЯЗа» [5]. В современном гуманитарном знании остранение понимается как поэтический прием и как эпистемологический метод, позволяющий анализировать законы литературы [Там же]. Более того, О. Ханзен-Лёве считает остранение в широком смысле поэтическим принципом, который не только мотивирует художественный процесс, но лежит в основе всех аспектов творческого и практического любопытства человека: «Этот процесс опредмечивания средств или сигнификатов любого рода, рассмотрения ставших слишком привычными связей в новом свете, сенсбилизации нашего восприятия и составляет самую общую цель принципа остранения с точки зрения формализма» [10, с. 12].

Спустя век после первого употребления «остранение» является одним из фундаментальных философско-эстетических понятий теории искусства. По нашим наблюдениям, понятие остранения сегодня используется, в основном, в следующих значениях: (1) остранение как универсальный эстетический принцип; (2) остранение как функция разнообразных художественно-выразительных средств и соответствующий выразительный эффект; (3) остранение как художественный прием, используемый на различных уровнях организации текста; (4) остранение как остраненный знак – например, в художественном тексте это творчески преобразованная автором и нестандартно использованная в речи языковая единица.

Исследователи делают попытку структурировать разнообразные проявления остранения как способа деавтоматизации человеческого восприятия, классифицируя «механизмы действия остранения» [4] и «акты остранения» [8]. Мы рассматриваем реализацию остранения как конструктивного дискурсообразующего принципа авангардной литературы на макро- и микроструктурных уровнях текста.

Макроструктурное остранение может быть описано в терминах современной нарратологии и дискурсивной лингвистики. Различные эксперименты с повествовательными формами, смещение повествовательных инстанций, специфическая фокализация повествования, оригинальная организация хронотопа – нестандартность сюжетно-композиционных параметров влияет на восприятие и процедуры интерпретации текста читателем. Исследователи связывают такой тип остранения с тем, как именно автор творит диегезис – художественный виртуальный мир во всей его полноте. Например, Е. Сошкин выделяет «диегетическое остранение», при котором «стратегическим условием эффекта остранения является обман ожиданий адресата, подсказанных контекстом (событийным, интертекстуальным, стилистическим)» [Там же]. К частным проявлениям остранения на макроуровне относится т.н. «деформация описания» [10, с. 16], обусловленная спецификой избранного (смещенного) поля зрения, – больного, дикаря, путешественника и т.п. [Там же]. Другой пример макроструктурного остранения – жанровое остранение, проявляющееся в трансформации или развитии общепринятых канонов определенного жанра. Такой тип остранения анализирует, например, Дарко Сувин, который изучил динамизацию жанра научной фантастики и ввел в литературоведческий оборот понятие «когнитивное остранение» (cognitive estrangement) – нетривиальное проявление в фантастике формальных и содержательных свойств нескольких литературных жанров [16].

На уровне прагматической организации текста тропы рассматриваются как частные случаи реализации остранения [7]. Исследователи делают попытку разграничить остранение и смежные с ним речезыковые

явления, выполняющие функцию текстового выдвигания. Так, Д. М. Бузаджи считает, что «семантический инвариант остранения состоит в замене частных понятий более общими» [1, с. 6] и предлагает следующее определение исследуемого им явления: «механизм остранения заключается в замене ожидаемого в данном контексте наименования вещи, процесса или явления на неожиданное в данном контексте наименование с более широким экстенционалом и той же референцией» [Там же, с. 14]. Е. Сошкин также считает, что остранение представляет собой окказиональное название и, анализируя понимание природы данного явления В. Шкловским, выделяет два типа остранения [8]. Остранение I, по Е. Сошкину, является таким случаем окказиональной номинации, когда нормативное имя вещи передается метафорически, синекдохически или паронимически; остранение II – это детальное описание вместо названия [Там же]. Общим механизмом создания обоих типов остранения является «извлечение вещи из ее каузального контекста» [Там же].

На вербально-семантическом уровне локальной организации текста (на микроуровне художественного высказывания) остранение проявляется в виде разнообразных языковых деформаций – индивидуально-авторских креативных (термин В. П. Григорьева [2, с. 77]), вызывающих семантический сдвиг, результатом которого будет «нетривиальное приращение смысла». Авторская креативность, таким образом, представляет собой «остраненный знак» – преднамеренно отобразную и осознанно реализованную изобретенную или преобразованную языковую единицу, обладающую обязательной эстетической функцией [6, с. 140].

Обобщим важные аспекты «теории остранения», значимые для анализа этого феномена с позиций когнитивно-дискурсивного подхода:

- 1) остранение понимается как деавтоматизация восприятия;
- 2) остранение достигается выводом вещи / понятия из привычного контекста и разрушением привычных концептуальных связей;
- 3) остранение есть акт семантического изменения в процессе авторской вторичной номинации, в основе которой лежит ассоциативный характер человеческого мышления.

По нашему мнению, остранение направлено на то, чтобы инициировать специфическую когнитивную переработку привычных ассоциативных связей в сознании воспринимающей произведение искусства стороны и привести к возникновению нового концептуального содержания за счет разрушения конвенциональных ассоциаций. Каким образом появляется это новое концептуальное содержание в процессе восприятия текста, содержащего остранение? Мы полагаем, что ключевую роль в этом играют специфическое профилирование внимания воспринимающего и специфическое сетевое взаимодействие гибких ментальных конфигураций, заданных остраненным знаком.

В большинстве современных лингвокогнитивных теорий, описывающих реализацию языкового значения в речевых условиях, присутствует идея о неавтономности языковых структур и неравномерности концептуального содержания, обеспеченного этими структурами. Конструирование значения в динамических дискурсивных условиях есть «активация» определенной когнитивной «зоны» (или «узла») на более статичном когнитивном «фоне» целой сети концептуальных сущностей, заданных языковыми единицами. Выдающиеся когнитологи предлагают несколько пересекающихся научных гипотез о том, как именно обеспечивается эта выделенность (отмеченность) определенных аспектов языкового и когнитивного содержания на фоне менее выделенных. В теории Р. Лангакера, рассматривающего производство значения как языковую предикацию в широком смысле понятия, несколько измерений образности (*dimensions of imagery*) обеспечивают производство и восприятие высказывания: наложение профиля на базу (подробнее о ключевых для когнитивной грамматики понятиях «профиль» и «база» см. [14]), конкретизация (спецификация) ситуации, реализация определенных фоновых допущений / ожиданий, перспективизация [15, р. 5-12]. В attentionальной семантике Л. Талми конструирование значения в речи происходит в процессе противопоставления фигуры (отмеченного объекта, находящегося в фокусе внимания) и фона (дефокусированной, менее салиентной, области) [17]. В теории лексических концептов и когнитивных моделей В. Эванса причина семантического варьирования – «в неравномерной активации структур экстралингвистического знания в профиле когнитивной модели, доступ к которому предоставляется при помощи лексического концепта, ассоциированного с языковой формой» [12, с. 363-364]. По В. Эвансу, «облегчая доступ к многочисленным областям ассоциации в концептуальной системе, лексический концепт <...> обеспечивает легкость доступа к многочисленным когнитивным моделям» [Там же, с. 360-361].

Восприятие рецептором остранения, реализованного на различных уровнях текста, представляет собой перераспределение внимания между более отмеченными и менее отмеченными зонами концептуального содержания и соответствующее переосмысление связей концептов в определенной «порции» дискурса. Л. Талми подробно описал многочисленные факторы, устанавливающие объект и силу внимания рецептора в условиях нормативной коммуникации [17]. В неканонической коммуникативной ситуации стихотворной речи профилирование внимания воспринимающей стороны имеет ярко выраженную специфику. В отличие от обычной *online*-коммуникации, следующей требованию достижения смысловой ясности и однозначности, стихотворная речь стремится к интерпретативной множественности (сгущению неоднозначности). Нами было показано ранее, что «поэзия как изощренный лингвокреативный дискурс демонстрирует две тенденции в создании “attentionальных эффектов”: во-первых, attentionальную конвергенцию, когда несколько лингвистически обусловленных факторов сходятся в одной точке, чрезвычайно увеличивая салиентность того или иного концепта, во-вторых, конфликт факторов, когда лингвистически устанавливаются несколько фокусных точек и внимание воспринимающей стороны колеблется между ними» [9, с. 403]. Читатель воспринимает

и интерпретирует текст, в котором поэтом намеренно преобразованы все лингвистические способы профилирования внимания, эксплуатирующие фонологические параметры языкового выражения, фреймовые и прототипические параметры, параметры композиционной семантики, контекстные параметры и др. Для понимания специфики профилирования внимания в случае остранения большое значение имеет фактор отклонения актуальной формы языкового выражения (репрезентации) от ожидаемой [17, р. 284-286]. В норме «большее внимание достается концепту, выраженному языковой формой, а не самой этой форме» [Ibidem, р. 284]. В случае с остранением именно неконвенциональная форма выражения обладает высокой степенью отмеченности и именно она обеспечивает переосмысление выражаемого концепта. «Содержательность формы» как имманентное свойство стихотворной речи требует более сложных аттенциональных техник и более широкого диапазона средств воздействия на внимание читателя.

Разрушение привычных концептуальных связей в остранении достигается несовпадением профилируемого объекта с его активной зоной (подробнее о понятии «активная зона» см. [15, р. 189]). По Лангакеру, это нормальная ситуация языкового смыслообразования, отражающая общие законы устройства человеческой психики [Ibidem, р. 191]. Однако в случае с остранением имеет место радикализация этого несовпадения, что заставляет реципиента кардинально переосмысливать диапазон возможных связей (симилятивных, суккестивных, причинно-следственных и др.) репрезентируемого концепта. По выражению Р. Лангакера, «фокусные элементы доставляют нас в релевантные “концептуальные окрестности” (neighbourhood), а не по точному адресу» [14, р. 333]. Если применить здесь терминологию В. Эванса [13], в случае остранения имеет место активация вторичных когнитивных моделей и – в процессе семантической композиции – расширение зон доступа к еще более периферийным (дополнительным) когнитивным моделям. Читатель декодирует текст, т.е. движется от лингвистической формы выражения к семантико-концептуальному содержанию. Нестандартная языковая форма намеренно сконструирована автором таким образом, чтобы потенциально быть способной обеспечить доступ к нескольким когнитивным моделям и установить нетривиальные взаимосвязи между ними.

В качестве примера, иллюстрирующего положение, приведенные выше, разберем отрывок из стихотворения А. Драгомощенко «Мгновение сладостно...» из сборника «На берегах исключенной реки» [3]:

*Мгновение сладостно, как вести линейей
по срезу страницы. Ладонь стерта,
мелькание на излете спицы, где ветвятся боги* [Там же, с. 12].

В данном случае лексический концепт [МГНОВЕНИЕ] открывает доступ к когнитивной модели КОРОТКИЙ ПРОМЕЖУТОК ВРЕМЕНИ, а лексический концепт [СЛАДОСТНЫЙ] – к вторичной когнитивной модели ПРИЯТНОЕ ОЩУЩЕНИЕ ПРИ ВОСПРИЯТИИ. Известно, что метафорическое осмысление абстрактных понятий через физические ощущения есть конвенциональный способ освоения окружающей действительности человеком. «Вкусовые метафоры» относятся к категории базовых концептуальных метафор и являются универсальным свойством человеческого мышления, проявляющимся в способности устанавливать связи между концептуальными структурами из разных областей знания. Но в данном случае читателю предлагается интересная дискурсивная реализация этой метафоры и окказиональный вариант ее семантического расширения. В дальнейшем контексте – *вести линейей по срезу страницы* – ОЩУЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ конкретизируется как ДВИГАТЕЛЬНОЕ ОЩУЩЕНИЕ. Профилируемый объект «приятное ощущение» и активная зона «кинестетическое восприятие движения руки» не совпадают: происходит синекдохический сдвиг по типу «частное вместо общего». Таким образом реализуется остранение второго типа (по Е. Сошкину [8]) – окказиональная номинация через детальное описание. Описание ощущения получает дальнейшую детализацию – *ладонь стерта*. Лексический концепт [СТЕРЕТЬ] открывает доступ к когнитивным моделям ПОВРЕДИТЬ (ТРЕНИЕМ) и УДАЛИТЬ (С ПОВЕРХНОСТИ). Контекст не дает возможности однозначно определить, какие из этих двух величин семантического потенциала будут наиболее релевантны. Вероятно, в таком случае обе когнитивные области, взаимосвязанные с лексическим концептом [СТЕРЕТЬ], могут оставаться частью фоновой когниции рецептора. Так, если в сознании читателя будут установлены связи «стереть <→> сделать ссадину», когнитивная модель ОЩУЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ будет дополнена атрибутом НЕПРИЯТНОЕ ТАКТИЛЬНОЕ ОЩУЩЕНИЕ. А в случае установления связи «стереть <→> уничтожить» актуализируется признак конечности «внутреннего времени», ограниченного человеческой телесностью.

В следующей строке стихотворения лексический концепт [МЕЛЬКАНИЕ] открывает доступ к когнитивной модели БЫСТРАЯ СМЕНА СОБЫТИЙ. Для кодовопроницательного читателя дискурсивная метафора *боги ветвятся (на спице)* может послужить триггером для установления интертекстуальных связей с вопросом-крылатой фразой, имитирующей схоластические диспуты о количестве ангелов, танцующих на кончике иглы. Интертекстуальный аспект значения может не эксплицироваться читателем, но в любом случае данная дискурсивная метафора запускает сложную когнитивную переработку целой сети концептуальных связей, одним из наиболее отмеченных узлов в которой, по нашему мнению, будет «боги как создатели вечности».

Стихотворение продолжается следующим образом:

*Ничем склеены черепки лета, тесны улиткой; там
угол бегства, детства иней, где одно слюдою смеха
вслаивается в другое* [3, с. 12].

Сочетание языковых единиц во фразе *черепки лета* инициирует концептуальную интеграцию, основанную на аналогическом картировании элементов из двух доменов – «абстрактная сущность» и «материальный предмет». Результатом интеграции будет бленд с уникальными характеристиками – период времени не только с метрическими свойствами (длительность), но и с осязаемыми механическими свойствами твердого тела (твердость, форма, пористость, хрупкость). Этот бленд обеспечивает доступ к нескольким когнитивным моделям: (1) к когнитивной модели ХРОНОЛОГИЯ через конкретизацию протекания времени в соответствии с общепринятыми делениями годового цикла; (2) к модели СВОЙСТВА ВРЕМЕНИ, дополненной окказиональными атрибутами времени как физического предмета, сохраняющего форму и сделанного из определенного материала. Более того, языковая омонимия («черепок» – «1. обломок, осколок керамического изделия; 2. разг.-сниж., то же, что: череп – кости головы») может запустить конструирование значения в другом направлении, устанавливая дополнительные взаимосвязи с когнитивной моделью СМЕРТЬ. Контекст употребления бленда *черепки лета* в высказываниях *ничем склеены черепки лета* и *(черепки лета) тесны улиткой* актуализирует когнитивную область СТРУКТУРА времени. Так, читатель интерпретирует время как предмет из неоднородного материала, частицы которого (*черепки*) плотно соединены (*склеены; тесны улиткой*) пустотой, небытием (*ничем*). Более того, окказиональное использование поэтом местоимения / существительного «ничто» в семантической роли инструмента может послужить основанием для переосмысления «ничто» как «пустота, небытие» и привлечения фоновых знаний читателя о категории «небытие» (например, из области знания индийской философии). Авторская креатема – окказиональная языковая форма *вслаивается* – через лексические концепты [ВНУТРЬ] и [СЛОИТЬСЯ] обеспечивает доступ к когнитивной модели СТРУКТУРА ВРЕМЕНИ. Через переосмысление времени как контейнера происходит образование нового атрибута данной когнитивной модели – МНОГОСЛОЙНОСТЬ.

Таким образом, по нашему мнению, «остраняемое» понятие в данном отрывке – «время». По сути, происходит актуализация устойчивых структур знаний читателя о времени и приписывание новых атрибутов когнитивным моделям, что приводит к появлению нового знания об остраняемом предмете: ОЩУЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ дополняется атрибутами ПРИЯТНОЕ ОЩУЩЕНИЕ (*мгновение сладостно*), ПРИЯТНОЕ ДВИГАТЕЛЬНОЕ ОЩУЩЕНИЕ (*сладостно, как вести линейку по срезу страницы*), НЕПРИЯТНОЕ ТАКТИЛЬНОЕ ОЩУЩЕНИЕ (*ладонь стерта*), СУБЪЕКТИВНО ОЦЕНИВАЕМОЕ СОДЕРЖАНИЕ (*черепки лета*). Когнитивная модель СВОЙСТВА ВРЕМЕНИ дополняется атрибутами КОНЕЧНОСТЬ (*ладонь стерта*), ПРЕРЫВНОСТЬ (*мелькание*) и ВЕЧНОСТЬ (*ветвятся боги*). Когнитивная модель ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕНИ состоит из атрибутов КОРОТКИЙ ПЕРИОД (*мгновение*), ДИСКРЕТНЫЙ ОТРЕЗОК (*черепки лета*). В когнитивной модели СТРУКТУРА ВРЕМЕНИ выдвигению подвергаются атрибуты МАТЕРИАЛ (*черепки, склеены*), ВЗАИМОСВЯЗИ ЭЛЕМЕНТОВ (*ничем склеены*) и РАСПОЛОЖЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ (*вслаиваются*).

Благодаря окказиональной номинации и чередованию салиентных и дефокусированных областей концептуального содержания в сознании читателя происходит ситуативно обусловленное переосмысление времени как единства противоположностей. С точки зрения стилистики, остранение в данном стихотворении реализуется средствами контраста: аналогия и дизаналогия, эксплуатирующая широчайший диапазон смыслового переподчинения и контракции семантических признаков словесных значений, позволяет создать полимодальный образ времени: время – абстракция, ощущаемая телесно; время – приятное кинестетическое ощущение и ощущение физического дискомфорта; течение время – быстрая смена событий и вечность, чередование событий с моментами небытия; вещьность времени – оно пустотно и плотно соединено, многослойно.

Подведем итоги:

- 1) во время рецепции случаев остранения внимание читателя специфически профилируется, перераспределяясь между контекстно выделенными (отмеченными) и дефокусированными зонами концептуального содержания, что приводит к динамическому переосмыслению связей концептов в определенной «порции» дискурса;
- 2) остранение есть производство нового знания о предмете за счет актуализации периферийных когнитивных моделей знаний и производства новых атрибутов этих моделей через ассоциативные переключения;
- 3) языковые формы и взаимосвязанные с ними лексические концепты в случае остранения не обеспечивают прямого доступа к четко определенной «порции» концептуального содержания, но задают несколько фокусных точек референции и фокальных областей возможных взаимосвязей. Читатель в процессе интерпретации заполняет лакуны в концептуальном содержании, субъективно «достраивая» (отбирая и интерпретируя) потенциально возможные маршруты смыслового варьирования.

Список литературы

1. Бузаджи Д. М. «Остранение» в аспекте сопоставительной стилистики и его передача в переводе: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2007. 26 с.
2. Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979. 343 с.
3. Драгомошенко А. На берегах исключенной реки. М.: ОГИ, 2005. 80 с.
4. Заика В. И. Понятие остранения и компоненты художественной модели // Вестник Новгородского государственного университета. 2004. № 29. С. 97-103.
5. Калинин И. Прием остранения как опыт возвышенного (от поэтики памяти к поэтике литературы) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/ka7.html> (дата обращения: 29.08.2015).

6. **Купина Н. А.** Креативная стилистика и практическая филология // Стилистика сегодня и завтра: мат-лы конф. М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. Ч. I. С. 140-144.
7. **Новикова М. Л.** Остраннение как инвариант языковой образности // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сб. науч. трудов. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2009. С. 220-229.
8. **Сошкин Е.** Приемы остранения: опыт унификации [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2012. № 114. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/114/s14-pr.html> (дата обращения: 29.08.2015).
9. **Устинова Т. В.** Фоносемантические сближения в стихотворной речи: конструирование значения и профилирование внимания // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19 (19). С. 396-406.
10. **Ханзен-Лёве О. А.** Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М.: Языки русской культуры, 2001. 672 с.
11. **Шкловский В. Б.** О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 267 с.
12. **Эванс В.** Концептуальная и межсловная полисемия: анализ в терминах теории лексических концептов когнитивных моделей (ЛККМ) // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев; ред. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 350-387.
13. **Evans V.** Figurative Language Understanding in LCCM Theory // Cognitive Linguistics. 2010. Vol. 21. No. 4. P. 601-662.
14. **Langacker R. W.** Cognitive Grammar: A Basic Introduction. N.Y.: Oxford, 2008.
15. **Langacker R. W.** Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin – N.Y., 1990.
16. **Suvin D.** Estrangement and Cognition [Электронный ресурс] // Strange Horizons. 2014. URL: www.strangehorizons.com/2014/20141124/Isuvin-a.shtml (дата обращения: 29.08.2015).
17. **Talmy L.** Attention Phenomena // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / edited by D. Geeraerts and H. Cuyckens. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 264-293.

LINGUOCOGNITIVE PECULIARITIES OF THE PERCEPTION OF DEFAMILIARIZATION IN POETIC SPEECH

Ustinova Tat'yana Viktorovna
Omsk State Pedagogical University
utanja@mail.ru

The article examines the peculiarities of meaning making in the process of readers' reception of poetic defamiliarization. The author describes typical manifestation of defamiliarization on the macro- and microstructural levels of a text. The perception of defamiliarization is analyzed in terms of attentional semantics by L. Talmy and the theory of lexical concepts and cognitive models by V. Evans. By the example of defamiliarization in the poem by A. Dragomoshchenko the mechanisms of reconsideration of the notion "time", by actualizing cognitive models of knowledge and producing new attributes of these models through the associative switching, are shown.

Key words and phrases: poetic defamiliarization; meaning construction; attention profiling; cognitive model; linguocreativity.

УДК 81.411.2

Филологические науки

В статье рассматривается проблема появления новых значений у русскоязычных фразеологизмов с инвективным компонентом. Новые компоненты значения обнаруживаются при анализе текстов современной прессы. Существующие словарные определения фразеологизмов их не отражают, что делает актуальной задачу создания нового фразеологического словаря на основе современного публицистического материала.

Ключевые слова и фразы: фразеология; фразеография; юрислингвистика; словарная статья; контекст; публицистика.

Устюжанина Анна Константиновна, к. филол. н.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
uak@tpu.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ®

Публикация осуществляется при поддержке РГНФ,
проект № 14-34-01012 «Юрислингвистический фразеологический словарь».

Фразеологизмы с инвективным компонентом значения – популярное в прессе стилистическое средство, позволяющее журналистам ярко и образно описать чьи-либо поступки, реальные или предполагаемые правонарушения, с помощью образного выражения показать своё отношение к происходящему. Порой такие высказывания